

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 16 (396)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара, на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Присл. по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Августа 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Пути демократии.
С. Шварц. Первые шаги.
В. Александрова. Трудное время
Ф. Д. Лукавые ответы.
Ю. О. Советский кризис и Коминтерн.

Аустриакус. Сталин и международное рабочее движение.
Заграницей: Политическая забастовка польских крестьян. —
Сущность и цели британского социализма. — Заживо по-
гребенные в германских концлагерях.
Издания, поступившие в редакцию.

Фельетон: Ф. Дан. Обманчивый мир (к дальневосточным событиям).

ПУТИ ДЕМОКРАТИИ

В своих интересных сообщениях германский коммунист Воленберг (см. предыдущий № «С. В.») рассказывает, как соображения чисто военного характера привели высшее командование Красной Армии, с Тухачевским и Гамарником во главе, к идее о необходимости «возвращения на путь советской демократии» и к конфликту со Сталиным, закончившемуся расстрелом советских генералов.

Конечно, «демократия», к которой, как к средству «умиротворить» крестьянство и победить националистический сепаратизм, стремился, в военных интересах, советский генералитет, имеет весьма своеобразный характер. Тухачевский и его единомышленники в армии решительно отвергали Сталинскую «демократическую» конституцию, т. е. конституцию, формально гарантирующую в сем советским гражданам определенный и весьма широкий круг гражданских и политических прав, считая ее «простым издевательством над советской действительностью». И в этой своей оценке советские генералы были, конечно, правы: Сталинская конституция сама констатирует свой «издевательский» характер, когда статьей 126-й передает фактическое распоряжение всеми, только что «гарантированными» правами в монопольное распоряжение коммунистической партии, т. е. на деле бесконтрольно диктаторствующего Сталина и его ставленников.

Но в этом отношении «ленинская конституция», которую, по утверждению Воленберга, положили в основу своей программы генералы, несколько от «сталинской

конституции» не отличается: и в ней имела статья 23-я, совершенно совпадающая с сталинской статьей 126. И на 7-м советском съезде 1919 года, как тогда же подчеркнул Мартов, сам Ленин «авторитетно заявил (в своей реплике на выступление Ю. О. Мартова), что «истинная сущность» его конституции именно и заключается в этой статье, «дающей коммунистической партии возможность лишать избирательного права все остальные партии рабочих и крестьян и таким образом превращать «власть Советов» в свою партийную диктатуру» (ст. «Конец одной двусмысленности»), — а партийная диктатура, по самой природе своей, никогда не может быть на деле ничем иным, как диктатурой партийных вождей, в свою очередь неизбежно вырождающейся в единоличную диктатуру непогрешимого «вождя».

Конечно, ленинская диктатура была бесконечно более «демократической» (если не в политическом, то хотя бы в социальном смысле), чем диктатура сталинская. Но не потому, что принципы ее были иные, а потому, что иною была эпоха. Беспощадно подавляя все противоборствующие ей тенденции и течения и в среде самих трудящихся масс, ленинская диктатура могла все же предоставлять широкий простор стихийной революционной самостоятельности подавляющего большинства этих масс, поскольку это большинство, если не по своей, еще незрелой и неоформившейся, политической мысли, то по своим социально-политическим настроениям, было ей созвучно, и поскольку сама она, возглавляя революцию на ее восходящем колене, явля-

лась организатором революционных завоеваний и революционной самообороны народа, «демоса» — рабочих и крестьян.

Такой условный, но неоспоримый демократизм не может быть присущ сталинскому периоду большевистской диктатуры, возглавляющему нисходящую линию революции, когда она начинает раскрывать созревшие на почве ее достижений социальные противоречия и когда основной задачей исторически пережившей себя диктатуры в ее борьбе за самосохранение становится как раз «держание в узде» широких трудящихся масс, чувствующих себя обездоленными при разделе революционной добычи. И еще менее мог бы он быть присущ — о политическом демократизме нечего и говорить! — той «нео-ленинской» диктатуре, о которой, по смыслу программы, и мечтали, в сущности, советские генералы, хотя бы субъективно они и считали себя призванными воскресить «истинный» ленинизм (как Наполеон объявлял себя представителем «истинного» якобинизма) и хотя бы кое-кто из них — в параллель Троцкому — искренне фантазировал насчет возрождения немыслимого в нынешней фазе революции «октября».

Ведь, сама программа их вытекала из стремления обезопасить тыл и обеспечить не только материально, но и психологически боеспособность армии и для закрепления нужного для этой цели «порядка» — дать стране «гражданский правопорядок», удовлетворяющий интересы крестьянских мелких собственников (об «умиротворении» рабочих они, судя по Воленбергу, и не думали), но никоим образом не из любви к политической свободе. «Издевательством над советской действительностью» является с этой точки зрения сталинская конституция не потому, что она увековечивает режим партийной диктатуры и несвободы, а, наоборот, потому, что она пытается, хотя бы по видимости, сочетать этот режим с провозглашением «формальной» демократии, с провозглашением несовместимых с ним принципов режима политической свободы. В «нео-ленинской» диктатуре могло бы быть поэтому ровно столько «демократизма», сколько в той упорядоченной «диктатуре рейхсвера», о приходе которой на смену хамски-самодурствующей диктатуре Гитлера мечтают кое-какие немецкие демократы, коммунисты и даже социалисты.

Конечно, и «упорядоченная» диктатура бонапартистского типа есть «благо» по сравнению с тем насильнически-кровавым видом диктатуры, представителем которого является в Советском Союзе Сталин. Но — «благо» лишь постольку, поскольку любой «гражданский правопорядок» создает известные «легальные» рамки для борьбы трудящихся и, особенно, рабочего класса за политическую демократию и поскольку, в борьбе не за «упорядоченно-диктаторский», а за подлинно-демократический исход революции, массы заранее приобретают волю и способность использовать эти рамки. Вот почему программа советских генералов, действительный политический смысл которой сводится к лозунгу: «вся власть армии!» — и которая в этом именно смысле была, по существу, сочувственно поддержана всей русской эмигрантской «общественностью», от крайних правых солоневичей всех толков и младоросов до левых публицистов «Новой России» и так наз. «Оборонческого Движения», — ни в какой степени не может быть «поддержана» российской социалдемократией, которая хочет быть и оставаться партией рабочего класса, партией демократического социализма, и строить свое будущее не на временном упадке классовой энергии пролетариата, а на ее неизбежном возрождении.

Но тот же Воленберг рассказывает, что, во имя «воз-

вращения на путь советской демократии», Тухачевский и его единомышленники в высшем военном командовании «вступили в тесный контакт с группами «старых большевиков», которые ставили себе аналогичные задачи», т. е. с группами тех правых и левых большевистских оппозиционеров, которых Сталин истребляет, как «троцкистов», хотя подлинных сторонников буйно-утопической программы Троцкого среди них, вероятно, меньше всего.

Таких групп немало возникло за последние 15 лет. Но, за исключением кое-каких небольших кружков «рабочей» оппозиции, все они, левые и правые, неизменно стояли на почве сохранения партийной диктатуры. И если Троцкий еще накануне собственного падения грозил огреть всех инакомыслящих «каленным утюгом», то и группа Бухарина-Томского-Рыкова провозглашала неотъемлемую принадлежностью «советской демократии» политическую монополию большевистской партии и «сидение всех остальных в тюрьме».

Можно допустить и даже надо считать вероятным, что собственный трагический опыт последних лет привел наконец немало и старых большевиков к пониманию того факта, что кроваво-грязное единовластие Сталина есть неизбежное и законное детище потерявшей всякое историческое оправдание партийной диктатуры в условиях нисходящего этапа революции, и к искреннему усвоению программы политической демократии. Но ни одна из старо-большевистских групп ничем не обнаружила до сих пор готовности и способности выйти за рамки тех методов «борьбы за демократию», несостоятельность которых так ярко продемонстрировала их собственная судьба.

Тактические приемы, в которых эти методы находили свое выражение, менялись. Острая и открытая борьба за власть и прежде всего за ликвидацию все явственнее нарастающего Сталинского единовластия, кипевшая в первые годы после смерти Ленина, сменялась попытками «обволакивания» диктатора, и никто иной, как Пятаков (Воленберг уверяет — по совету Гамарника), провозгласил в день 50-летия Сталина лозунг: «нельзя быть против Сталина!» («Правда», 23 декабря 1930 года). Менялись сочетания различных оппозиционных группировок большевизма, объединяемых лишь общим ненавистью к Сталину. Менялись внешние формы борьбы. Но неизменным оставался лишь самый метод расчета на активное политическое участие в перевороте лишь партийно-советского аппарата, лишь привилегированной и все более бюрократизирующейся верхушки советского общества. И неизменными оставались — неудачи и тяжкие поражения.

Острая борьба неизменно разбивалась о то (собственные показания Троцкого достаточно ясно говорят об этом!), что, по мере ее развертывания, сами идейно-политические вдохновители ее убеждались в том, что в конце избранного ими пути стоит бонапартистская контр-революция, и, повинувшись велению своей революционно-социалистической совести, обрывали борьбу, не доводя ее «до победного конца» и славаясь на милость победителя-Сталина. «Обволакивание» приводило лишь к разложению и деморализации самой оппозиции, ужасающие свидетельства чему дали и бесчисленные «покаяния», и кровавые «процессы» последних лет. Оппозиции остался лишь путь военных «заговоров», но остался как раз тогда, когда она ни к каким заговорам, а тем паче к успешному проведению их неспособна, как в силу утраты ею всех «ключевых» постов, так и больше всего — в силу своей собственной опустошенности и деморализованности, и когда поэтому обвинение «старых большевиков» в устройстве заговоров с самого

начала несет на себе печать сталинско-чекистского подлога.

Это не значит, что в Советском Союзе невозможен успешный заговор, имеющий целью устранение Сталина. Нет, такой заговор вполне возможен и даже вероятен. Но успешным будет такой заговор лишь тогда, когда за него возьмутся люди той новой военной и гражданской бюрократии, которою Сталин, в ходе своих непрерывных «побед» над оппозицией, успешно заменяет бюрократию старо-большевистскую; люди, не раз'енные революционно — социалистической рефлексией «старых большевиков»; люди, которые прибегнут к заговору лишь постольку, поскольку диктатор, подготовивший их победу, окажется, по своему-ли прошлому, по своей-ли кроваво-палаческой репутации, по своим-ли личным свойствам, неспособным или недостаточно гибким, чтобы окончательно закрепить и организовать эту победу и безоговорочно выполнять «социальный заказ» того нового привилегированного слоя, который под его же крылом поднялся на вершину советской пирамиды. Надо-ли говорить, что политическая демократия меньше всего может быть целью и результатом такого заговора?

Нет ничего утопичнее и нереальнее, чем ожидать торжества политической демократии от «автономной» политической активности верхушки общественного слоя, политической оболочкой социального восхождения которого и является единоличная сталинская диктатура. Демократия Советского Союза может быть плодом лишь политической активности трудящихся масс Союза, политическое движение которых, приобретая достаточный размах, было бы, вероятно, способно вовлечь в свою орбиту и значительные слои вышедшей из народных низов советской бюрократии.

Социалдемократия поэтому может и должна защищать «старо-большевистскую» оппозицию от террора и клевет диктатора; она может и должна сочувствовать тем или иным программным требованиям, которые выдвигает эта оппозиция; она не может и не должна солидаризоваться с теми путями, которыми эта оппозиция до сих пор идет. Путь социалдемократии — это путь организации политической активности масс под знаменем демократизации советского режима и охранения основных завоеваний революции.

Но этот путь в советской действительности не может привести к смене Сталинского единовластия режимом политической демократии, говорят скептики: слишком велика усталость и политическая пассивность масс; слишком «тоталитарен» террор; слишком малы возможности организованного проявления активности масс; контр-революционный финал наступит раньше, чем массовое движение примет достаточный размах, чтобы предотвратить его. Может быть: недалекое будущее даст ответ на этот, основной для судеб советской демократии и революции, вопрос. Но всякий другой путь, «безнародный» путь переворотов силами партийно-советской верхушки, наверное ведет не к политической демократии, а к закреплению и «нормализации» той или иной разновидности контр-революционной диктатуры.

Соучастие социалдемократии в такого рода переворотах — а, по состоянию сил социалдемократии, это соучастие ни в чем ином, кроме идейно-политической поддержки и морального оправдания, состоять не может. — ничего не изменило бы в объективно контр-революционных результатах этих переворотов. Оно лишь возложило бы на нее ответственность за них. Оно лишь компрометировало бы ее в глазах классово-сознательного пролетариата Советского Союза и всего мира и крайне затруднило для нее, если не сделало не-

возможным, возглавление движения трудящихся масс против этих результатов, которое раньше или позже неизбежно возникнет. Поэтому, как бы труден ни был путь развязывания и организации политической активности трудящихся масс и как бы мало шансов на непосредственный практический успех ни сулил он в ближайшем будущем, только этот путь ведет к демократии и только этим путем может и должна идти социалдемократия.

«Основание самого маленького рабочего кружка имеет большее историческое значение, чем битва при Садовой». Перефразируя это знаменитое изречение германского демократа-социалиста Якоби в конце 60-х годов прошлого века, можно сказать применительно к советской действительности, что, с точки зрения борьбы за политическую демократию, «самое маленькое проявление организованной активности советских рабочих имеет большее историческое значение, чем все мыслимые сговоры и группировки, заговоры и перевороты в военно — бюрократической верхушке советского общества». И вот почему к предстоящим всеобщим и «тайным» выборам прикованы глаза социалдемократии, хотя она не хуже других знает, что Сталиным эти выборы задуманы, как «простое издевательство над советской действительностью».

Выборы покажут, имеются-ли уже в этой действительности зачатки активности и организованной самостоятельности рабочих масс и, следовательно, имеется-ли надежда — приступом к подлинной демократизации режима предотвратить ту контр-революционную катастрофу, к которой влечет страну Сталинское единовластие...

С. ШВАРЦ.

Первые шаги

В течение последних лет «Социалистический Вестник» не раз имел случай отмечать признаки нарастающего кризиса советского профдвижения. Профсоюзы превратились постепенно в пустое место. Бюрократическое господство в профсоюзах дошло до своего предела. Преодоление бюрократического самовластия стало вопросом жизни и смерти для советского профдвижения.

Но со смертью профсоюзов не может примириться не только рабочий класс. Какая-то видимость профсоюзов является жизненной необходимостью и для господствующей у нас системы плебисцитарной диктатуры, как не может обойтись без известного массового прикрытия даже и фашистская диктатура в Германии и Италии. Профсоюзы должны жить, и правящая бюрократия в конце концов решила сама выдвинуть вопрос о демократизации профдвижения. На состоявшемся в первой половине мая пленуме ВЦСПС были подведены безрадостные итоги профсоюзного развития в течение последних восьми лет и намечен ряд мероприятий, которые вновь должны были бы вдохнуть жизнь в омертвевшие профсоюзы.

Но бюрократическое окостенение обладает громадной силой инерции. Природа бюрократического господства возмущается против всех действительных проявлений демократизма. И правящая бюрократия инстинктивно стремится затормозить демократическую перестройку, а то и сознательно пытается превратить демократическую реформу профдвижения лишь в прикрытия для себя, в орудие укрепления своей власти.

Майский пленум ВЦСПС обсуждал проект нового типового профсоюзного устава, который должен обеспечить развитие демократической практики в профсоюзах. Проект был передан пленумом в комиссию, и для

окончательного утверждения его президиум ВЦСПС должен был созвать «не позднее 1-го июля» левый пленум. После этого должны были состояться с'езды всех 163 союзов, которые на основе утвержденного ВЦСПС типового устава должны были утвердить уставы всех отдельных союзов. Но уже и этой задачи ВЦСПС не выполнил. Сначала о созыве нового пленума просто молчали. Затем — 11-го июля — появилось сообщение о созыве пленума ВЦСПС на 25-ое июля. Но за два дня до этого срока президиум ВЦСПС опубликовал новое сообщение об отсрочке созыва пленума ВЦСПС до второй половины сентября, конечно, лишь «в виду просьбы ряда ЦК союзов», да еще — «в связи подготовкой к с'ездам союзов». Казалось бы, все должно бы быть как раз наоборот: «в связи с подготовкой с'ездов союзов» созыв пленума ВЦСПС отнюдь не следовало откладывать, чтобы к союзным с'ездам имелся уже окончательный текст типового устава. Или в крайнем случае следовало опубликовать хотя бы проект типового устава, выработанный комиссией ВЦСПС. Но даже и это не было сделано, и с'езды союзов — тоже начавшиеся с опозданием, не в июле, как было постановлено на майском пленуме ВЦСПС, а лишь в середине августа — вообще лишены возможности обсуждать вопрос о профсоюзном уставе. Уж не постигнет ли этот устав судьба «программы профсоюзной деятельности», вырабатывавшейся в 1935 году пресловутой «комиссией Кагановича», казалось, вот-вот уже законченной, но так и не увидевшей света?

Демократизация профсоюзов, хотя и не закрепленная в уставе, должна пока осуществляться фактически, в практике профсоюзных выборов на всех ступенях профсоюзной «системы» и во всей повседневной работе профсоюзов. Выборы на демократической основе — с тайной подачей голосов — действительно привлекли к

себе во многих местах внимание широких рабочих масс. На многих предприятиях предвыборные собрания протекали очень оживленно и вся деятельность — чаще бездеятельность — местных профбюрократов подвергалась нередко острой и бьющей в цель критике. Правда, нигде, повидимому, выступавшие с критикой деятельности профсоюзного начальства ораторы не выходили за узкие рамки «конкретной», строго-«деловой» критики, не пытаясь даже и касаться общего вопроса о действительной свободе профессионального движения. Но даже и в этих узких рамках критика вызвала тревогу правящей бюрократии и она сумела выхолостить ее, направив острие критики против «врагов», будто бы повсеместно прокравшихся в руководящие органы профдвижения. «Демократические» выборы не могли привести в этих условиях к подлинному демократическому обновлению профдвижения и во многих местах оказались только орудием для замены старых профчиновников новыми, «жаждущими выдвижения».

Верные ежово-сталинские ученики пользуются для достижения этой цели безошибочно бьющим оружием. Аргумент о «врагах» и здесь оказывает верную службу. Всякий, кто проявляет хотя бы тень независимости, немедленно объявляется «врагом», «бывшим кулаком», «фашистским агентом», «троцкистской сволочью» и т. п. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что это значит в условиях сталинской «демократии», достаточно известно. Тем большего внимания заслуживает тот факт, что даже в этих условиях оказывается невозможным окончательно задушить в рабочей среде тягу к свободе и независимости профдвижения.

Брегман, один из новоиспеченных секретарей ВЦСПС, с тревогой и возмущением рассказывает об этом в статье, посвященной «некоторым итогам отчетов и выборов профсоюзных органов»:

Ф. ДАН.

Обманчивый мир

(К дальневосточным событиям)

Таблицы и диаграммы «павильона мира», воздвигнутого перед главным входом на Парижскую выставку, дают посетителю утешительную уверенность, что идея мира медленно, но неуклонно движется вперед за последние 500 лет: ни одного «мирного» года в 16 столетии; один единственный — в 17-м; 10 — в 18-м; 13 — в 19-м, и целых 12 за первые 37 лет нашего просвещенного и гуманного 20-го века! Еще каких-нибудь одно-два тысячелетия, и возведенные около 2000 лет тому назад «мир на земле и в человеке благоволение» станут из чудного обетования ослепительной реальностью!

Можно-ли вообще почти игрушечные на масштабы нашей эпохи стычки и походы рыцарей 16 века ставить в один статистический ряд с чудовищными побоищами нашего времени? Не возросла-ли смертоносность и разрушительная сила войн до таких размеров, когда количество поистине переходит в качество? И точно-ли в течение 12 лет нашего века мечи спокойно ржавели в ножнах и не вынимались ни для «карательной», ни для «очистительной», ни для «умиротворительной» работы — напр., в завоеванной Абиссинии или оккупированных китайских провинциях? Но оставим в стороне эти вопросы. Констатируем одно: гром пушек на азиатском Дальнем Востоке, так трагически перекликающийся с пушечным громом на испанском евро-

пейском Западе и грозящий вскоре перекрыть его, еще раз напоминает человечеству, на каком шатком основании покоится столь страстно желаемый им мир.

Если бросить взгляд на политику так наз. миролюбивых великих держав в ходе тех событий, одним — и, конечно, далеко не заключительным! — из звеньев которых является новый грабительский поход Японии в Китае, то, как ни жестки эти слова, приходится признать: политика эта была построена на лицемерии и лжи и потому ни в коем случае не могла обеспечить тот мир, во имя которого она официально велась.

Лига Наций, неделимость мира, коллективная безопасность — таков был триединый лозунг борьбы за мир, противопоставленный фашистским и империалистским поджигателям войны. Игнорирование Лиги Наций, «локализация» войн, «невмешательство» в межгосударственные конфликты, систематически и неизбежно вызвавшееся в поощрение агрессора и компромиссы с победителем, — такова была действительная практика. На практике международная политика мирных великих держав шла не по тому пути, который она на словах провозглашала, как единственно способный ограждать мир, а как раз по тому пути, которого требовали поджигатели войны и который эти державы сами характеризовали, как путь, фатально ведущий к войнам.

«Слабостью руководства выборами пытались воспользоваться враждебные элементы. Они всеми силами стремились сорвать или запутать выборы, используя широкие принципы советской демократии для агитации против преданных партии и интересам рабочего класса кандидатов».

На Ленинградском мясокомбинате бывший кулак Исаев вел контр-революционные разговоры и в качестве кандидата в завком предложил чуждого человека, который затем был тут же на собрании разоблачен. В Белорусском государственном университете в результате враждебной агитации некоторые технические работники отказались идти на отчетно-выборное собрание. На Краснодарском хлебозаводе бывшие кулаки пытались провести в счетную комиссию двух «своих» людей, но собрание дало резкий отпор» («Труд» от 23-го июля).

Как ни старается автор с помощью обычной терминологии ежово-сталинских охранников («враги», «бывшие кулаки» и т. п.) скрыть подлинный характер этих слабых ростков борьбы за демократию в профдвижении, значение сообщаемых фактов не может вызывать никаких сомнений.

Правда, в громадном большинстве случаев терроризированные избиратели послушно творят волю своего псевдо-коммунистического начальства и союзы вместо «школы коммунизма» превращаются в школу плебисцитаризма, подготовляющую избирателей к плебисцитарным выборам в Верховный Совет (срок которых, кстати, до сих пор остается государственной тайной). Как это глубокое извращение основных начал демократизма отражается на внутренней жизни профсоюзов, нетрудно себе представить.

Профсоюзное руководство почти повсеместно «обновлено», но сплошь и рядом лишь продолжает традиции своих бесславных предшественников. Приведем несколько примеров:

Ростсельмаш: Здесь-ли не мели железной метлой? Увы, «нынешний завком не сделал никаких выво-

дов из уроков вредительства» («Труд» от 18-го июля). — Ново-Мариупольский коксохимический комбинат: «Все остается попрежнему» («Труд» от 28-го июля). — Ново-Орджоникидзевский коксохимический завод: Новый завком взялся было энергично за работу, особенно за оздоровление условий труда, но скоро выдохся, и уже в июне положение вновь начало ухудшаться («Труд» от 3-го августа). — Киевский обком союза работников в госторговле: Руководство целиком обновлено, но «от этой смены лиц положение в обкоме нисколько не улучшилось», а новый заместитель председателя обкома, «работая в обкоме, в то же время работал по совместительству в хозяйственных организациях в качестве — консультанта по вопросам заработной платы» («Труд» от 26-го июля). Где уже ждать оздоровления с таким зампредом?

И т. д., и т. д. «К настоящей работе по ликвидации последствий вредительства профработники еще и не приступали» («Труд» от 22-го июля, передовая). Застой на низах сказывается в мертвечине и на вершинах. ВЦСПС тоже как будто обновлен, но воз и ныне там. Мы уже видели, как президиум ВЦСПС не справился с задачей выработки типового устава. Но это еще цветочки. Даже в тех областях работы профсоюзов, которые вызвали особенно много жалоб на пленуме ВЦСПС, ничего почти не сделано: «Созданный в ВЦСПС после 6-го пленума отдел заработной платы и массово-производственной работы, как и отдел охраны труда, ничем себя не проявляют» («Труд» от 22-го июля). Даже новые правила техники безопасности, выработка которых, согласно постановлению февральско-мартовского пленума ЦК ВКП, должна была быть закончена к началу мая, до сих пор еще страпаются в

Надо-ли удивляться, что плоды такой «политики мира» менее всего пригодны для украшения таблиц и диаграмм парижского «павильона мира»?

Именно первый, манджурский поход Японии на Китай отметил оформление этой роковой политики. И до того Лига Наций (а когда говорят: Лига Наций, то надо, прежде всего, иметь в виду главенствующие в ней великие державы) обнаружила неспособность или, точнее, нежелание организовать мир честной ликвидацией последствий «великой» войны, ликвидацией разделения мира на победителей и побежденных. Тем самым она собственными руками разбила германскую демократию и выпестовала германский фашизм — эту величайшую военную опасность современности. Но шесть лет тому назад Лига Наций впервые открыто засвидетельствовала свою несостоятельность, предав своего китайского сочлена и предоставив японскому агрессору полную свободу действий в Манджурии.

С циничною откровенностью демонстрировали мирные империалистические державы, что они думают не столько об охране мира, сколько об охране своих собственных империалистических интересов в Китае, и что поэтому они отнюдь не намерены энергичным выступлением против японских империалистов содействовать развитию и укреплению китайской революции, которая одна лишь могла бы справиться с японской агрессией, но которая угрожала бы подорвать позиции всего иностранного мирового капитала в Китае: «неделимость» империалистической солидарности оказалась сильнее и реальнее «неделимости мира». Конфликту с японской военной мирные великие державы предпочли компромисс с ней, пытаясь, каждая на свою долю, выхлопотать для себя у победителя либо клочек его добычи,

либо какие-либо «компенсации». Для сохранения-же «мирного» лица удовольствовались отказом новому Манджурскому государству в «признании» которого Япония, кстати сказать, и не добивалась, не имея ни малейшего желания ни делать свою новую, якобы-независимую провинцию ареной дипломатических интриг, ни предоставлять марионеточному манджурскому императору возможности вступать в самостоятельные сношения с иностранными державами: недаром-же японский империализм, несмотря на свою «дружбу» с Италией, с такою холодностью относится к предложению Муссолини «признать» Манджукуо в обмен на японское признание итальянской «империи»! Можно с уверенностью предположить, что японская военщина предпочтет дать итальянскому фашизму нужное ему «признание» абиссинского грабежа — даром, без всякого «обмена»!

Вряд-ли нужно подробно останавливаться на плачевных последствиях такой «политики мира»: превращение Лиги Наций в живой труп, из ведения которого изъеются все сколько-нибудь серьезные международные вопросы, трактуемые отныне в особых конференциях и комитетах или в тайниках закулисной дипломатии; разочарование малых государств, вынужденных искать безопасности в сепаратных договорах с фашистскими агрессорами, открывая им тем самым все новые арены для интриг и подготовки войны; и т. д. Достаточно напомнить об Абиссинии и Испании, чтобы не оставалось ни малейших сомнений насчет того, куда ведет этот «путь мира».

Поощренный самоотречением Лиги Наций в манджурском вопросе и поддержанный еле прикрытым саботажем возведенных «санкций», Муссолини не толь-

тайниках бюрократических канцелярий («Труд» от 21-го и 28-го июля). Даже программа курсов для профработников все еще не опубликована («Труд» от 3-го августа). И та же картина наблюдается почти во всех областях работы профсоюзов.

Но зато с тем большей энергией ведется работа по обеспечению руководства компартии в «демократизированных» профсоюзах. «Демократизация» — это словесность. «Бдительность» — это действительная программа. Характерный штрих: когда собрался съезд союза рабочих коксо-химической промышленности — пер-

вый в ряду 163 профсоюзных съездов и единственный пока, об окончании работ которого уже поступили отчеты, — в состав нового ЦК союза было избрано 2 секретаря заводских парткомов. И как раз эти двое оказались среди 35 членов ЦК единственно подходящими кандидатами для замещения должностей председателя и секретаря ЦК союза («Труд» от 18-го августа).

Борьба за демократизацию профсоюзов, за свободу и независимость профессионального движения, борьба против засилья псевдо-коммунистической бюрократии еще только начинается.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Трудное время

Только что истек год с того дня, как официальное телеграфное агентство Советского Союза оповестило изумленный мир, что Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский и другие виднейшие большевики были в действительности не революционерами, не героями Октябрьской революции, а фашистскими наемниками, шпионами и убийцами. За головами Каменева и Зиновьева покатались головы Пятакова, Муралова, Тухачевского, в грязи и крови вывалены имена известнейших большевиков. И, конечно, гроза, обрушившаяся на руководителей коммунистической политики, народного хозяйства, Красной Армии, не пощадила и советской литературы. И она оказалась обителью не «инженеров душ», а бесчисленных «подлых врагов народа», а то и логовом «бешеных собак».

За весенней чисткой писательских организаций, за изгнанием Афиногенова, Киршона, Макарова, Катаева, большинства левых критиков и редакторов, «вычищен» сейчас за троцкизм Безыменский, новой опале подвергся Пильняк, Чумандрин, Либединский, пошатнулся Гладков, объявлен «врагом народа» даровитый белорусский поэт Александрович, снят с поста редактора «Литературного Современника» Казаков. В состоянии почти полного разгрома находятся союзы писателей Украины, Армении, Грузии, Азербейджана, в которых не оказалось пощаженным ни одно сколько-нибудь известное имя.

Представление об атмосфере, царящей сейчас в писательской общественности, лучше всего дадут несколько фактов. На 4-м пленуме правления союза писателей

ко довел «до победного конца» завоевание Абиссинии, но имеет все основания надеяться, что Лига Наций, отказавшая в действительной защите своему абиссинскому сочлену точно так же, как до того она отказала в такой защите своему сочлену китайскому, на предстоящей в сентябре сессии «признает» построенную при ее попустительстве грабительскую «империю» и откроет тем самым итальянскому фашизму мировой денежный рынок для заключения займов на предмет дальнейшего упрочения, расширения и военного оборудования этой империи. Чего не сделаешь для — охраны мира!

Абиссинская удача, естественно, послужила для вооружившихся до зубов и берлинско-римской «осью» объединенных в грабительский союз фашистов Германии и Италии поощрением для подготовки и организации военного заговора изменников-генералов в Испании, с тем, чтобы превратить этот заговор — сначала в испанскую гражданскую войну, затем — под флагом «невмешательства»! — в германо-итальянскую войну против Испании, и все это с таким успехом, что ныне уже, с божьей помощью, в порядок дня ставится вопрос о «признании» и их испанских ставленников! И Испания была предана Лигой. И снова — ради мира!

Дальнейшим, и конечно не последним, звеном в этой цепи «спасения мира» и является новое нападение на Китай японской военщины, успевшей тем временем перестраховать себя договором «борьбы против коммунизма» с Германией и «дружбой» с Италией и пользующейся смятением и слабостью мирных великих держав, парализованных последствиями их собственной политики, чтобы сделать новый гигантский шаг к выполнению своей «исторической миссии», т. е. начатого

шесть лет тому назад оккупацией Манджурии завоевания Китая и Сибири.

Таким образом, как ни парадоксально это звучит, вспышка войны на Дальнем Востоке является прямым следствием той «политики мира», которую вели и ведут мирные великие державы — Англия, Франция, Соединенные Штаты. В каком направлении грозит развиваться диктуемое этою политикой «невмешательство» на Дальнем Востоке, — тому предвкусение дает напечатанная во всей прессе телеграмма из Шанхая от 12 июля. Согласно этой телеграмме, шанхайские представители названных мирных держав, совместно с представителями Гитлера и Муссолини, обратились к Японии и Китаю с предложением: японскому агрессору, высадившему уже в Шанхае свыше 9000 солдат и сконцентрировавшему в шанхайской гавани до 30 военных судов, — прекратить посылку дальнейших подкреплений; подвергшимся нападению китайцам — очистить свою собственную территорию от китайских войск! И все опять-таки — «в интересах мира»!

На Марсельском съезде французской социалистической партии, как известно, Леон Блюм, с столь характерной для него мужественной прямою, признал, что, быть может, политика «невмешательства» (Блюм говорил об Испании) и впрямь выродилась в обман и фикцию. Но эта фикция — «спасла мир». О, если бы наш великий французский друг был прав, и если бы мир действительно мог быть спасен фикцией!

Никто не усумнится, разумеется, в искренности пацифизма Блюма и в том, что только страстным стремле-

один из нынешних заправил его с возмущением рассказал о том, что писатель Афиногенов, припертый на партийном собрании к стенке вопросом, что его связывало с Ягодой, ответил: «За спиной комиссара государственной безопасности я чувствовал себя вне опасности». Но что возмущаться? Несколько дней спустя писательская «общественность» и сама полезла за спину нового комиссара государственной безопасности и в обращении к Ежову выразила ему обуревающие ее чувства любви и восхищения.

А тут еще этот календарь бестактно подсунул писательской «общественности» 20-летний юбилей Октябрьской революции. Идет «лихорадочная» подготовка — в пустых залах. Издательства, редактора, руководящие работники шлют еще не разоблаченным писателям то грозные, то нежные послания. В неусыпных заботах об облегчении писателям их «ответственной» задачи литературные бюрократы прямо из кожи лезут вон, в своей растерянности доходя до предела благоглупости: по существу, де, задача не так уж трудна, нужно только извлечь из пыльных углов старые черновики произведений, посвященных, скажем, десятилетию Октября.

Еще безотраднее факты, происходящие в четырех стенах, в личном, домашнем быту писателя. Сейчас уже можно, увы, констатировать, что советские писатели не избегают судьбы дореволюционных писателей: пьянство, старая проклятая болезнь безвременья и полицейщины, становится хроническим явлением и в советской писательской жизни. Само собою разумеется, мы имеем в виду не банкеты и кутежи «маститых». Речь идет о пьянстве писателя-середняка. Это пьянство, как и в старое время, поражает не лишенных дарования, но «слабых духом» писателей. Пьет писатель-середняк много, пьет и втихомолку, и громко, с надрывом, с дебошем. Время от времени сведения о пьянстве писателей

проникают в печать. Но обстоятельства, при которых эти факты становятся достоянием гласности, убедительно говорят о том, что само по себе это явление мало волнует официальную «общественность». Случаи пьянства выставляются к позорному столбу только тогда, когда нужно ударить по рукам писателя «за грубые политические ошибки». В таком порядке был разоблачен в свое время поэт Павел Васильев, Смеляков и др., а теперь поэты Корнилов, Прокофьев, ряд «детских» писателей (детская «тематика» в Советском Союзе тоже, ведь, не без подковырки). За пьянство и грубое обращение с женой попал недавно на скамью подсудимых крестьянский писатель Шухов, которого давно взяли на подозрение официальные критики за роман «Ненависть», изображающий разгром деревни в период коллективизаторской бури и натиска.

Аргумент о «бытовом разложении» приобретает сейчас исключительную популярность. Группа «писателей» — от неизвестных миру трудов отдыхающая в санатории Литфонда в Гаграх — обратилась в союз писателей с доносом на поэта Петра Орешина, учинившего ночью «пьяный дебош» и оскорбившего уши отдыхающих собратьев «омерзительными антисоветскими выпадами». А ведь это тот самый Орешин, который в своих стихах так, казалось бы, успешно преодолел свою «крестьянскую отсталость» и удачно рифмовал старые крестьянские березы с зажиточными колхозами. Почему-то так часто бывает, что живет советский писатель, пишет, приспосабливается и вдруг сорвется, затоскует, запьет и уж тогда непременно обнаружится, что пишет он одно, а чувствует другое. Вот тут и соображай, читатель!

нием к охране мира диктовалась ему его внешняя политика. И все-же «спасен» был мир до сих пор лишь ценою — колоссального нарастания военной опасности. Ибо, в отличие от Блюма, не честной волей к миру, а совсем иными мотивами руководилась и руководится внешняя политика тех капиталистических элементов, «социальный заказ» которых выполняют правительства Англии и Соединенных Штатов и под сильнейшим давлением которых вынуждено было работать и французское «правительство Народного Фронта, возглавляемое социалистами».

Эти элементы сознательно не хотели и не хотят подвергать фашистских и полуфашистских поджигателей войны явным поражениям и унижениям, которые могли бы развязать революционно-пролетарские движения, угрожающие общим интересам всего мирового капитализма. Они сознательно не хотели и не хотят идти хотя бы и на минимальный риск войны, раньше, чем получат уверенность, что сумеют в грядущей войне полностью отстоять свои империалистические интересы. Для них фикция «спасения мира» была и остается лишь средством лучше подготовить войну и заранее поставить эту грядущую войну на службу своим империалистическим интересам. Поэтому и разрушение превратилось в такой-же бесплотный «лозунг», как Лига Наций, неделимость мира и коллективная безопасность; реальность гласит: бешеная скачка вооружений, затмевающая все, что мы видели по этой части в эпоху подготовки «великой» войны 1914-1918 годов. Для этих элементов «фиктивные» лозунги мира имеют лишь одно предназначение: обмануть трудящиеся массы и самую страстную жажду мира этих

масс использовать для того, чтобы бросить их на служение империалистическим интересам в тот момент, когда так тщательно подготавливаемая война будет признана наконец «своевременной».

Не хотят «рисковать» войной, пока этот риск еще может реально и надолго остановить надвигающуюся военную лавину. И тем самым делают неизбежным и ускоряют падение этой лавины. Тем самым заранее обеспечивают грядущей войне смертоносную и разрушительную силу, превосходящую всякое человеческое воображение. А подчиняя политику мира империалистическим интересам, заранее готовят не «локализацию» войны, а, наоборот, такой поистине мировой размах ее, какого не знала даже война 1914-1918 годов. Каждое новое отступление перед поджигателями войны и агрессорами оставляет по себе новый узел новых империалистических конфликтов, разрешение которых откладывается «на будущее время», и создает таким образом все новые и новые очаги будущей войны. Такими очагами уже стали восточная, средняя, юго-восточная, юго-западная Европа, восточный и западный бассейны Средиземного моря. Малая Азия и Африка уже втянуты в поток, несущий мир к новой войне. Новое нападение Японии на Китай не только эту 400-миллионную страну бросает в водоворот грядущей войны, но неизбежно поставит в недалеком будущем на ноги гигантский Советский Союз, американский континент, все части британской мировой империи со включением Австралии и закончит таким образом «универсализацию» надвигающейся военной катастрофы. Ускоренное подписание американско-советского торгового договора, первым практическим результатом которого оказалось согласие Соединенных Штатов на постройку со-

«А зачем же так пишут, что нужно еще голову ломать?»

Да что-же делать? Привыкли.

И вы так пишете?

И я так пишу. Какой был бы я писатель, если бы я так и валял все, что в голову придет».

Этот диалог, так и просящийся в эпиграф к истории советской литературы последнего периода, взят нами из «Трудного времени» известного шестидесятника Слепцова.

Но факты из личной жизни писателей в большинстве случаев неизвестны читателю и остаются обычно достоянием узкого круга литературоведов и журналистов. Широкой читательской массе известны, да и интересуют ее только сами произведения. Какие же идеи и образы, организующие психику этого читателя, характерны для сегодняшней советской литературы? За что подвергаются шельмованию вчера еще стопроцентно советские писатели?

«Соц. Вест.» уже касался как-то факта затухания большой линии развития советской литературы, которая, несмотря на все зигзаги, сумела определиться во время предыдущих периодов революции. Именно она, эта основная линия на социальность оказывается особенно компрометирующей. Критика уже откровенно мечтает о появлении семейного и любовного романа. Конечно, семья «у нас, в бесклассовом обществе» должна быть особая, не какая-нибудь буржуазная с одним или двумя хилыми отпрысками, а многодетная, трудовая. Стол в ней должен ломиться от обилия здоровой, вкусно приготовленной, домашней пищи. Эта семья, ее жизнь и заботы должны довести себя, чтобы никакой загадочный и сомнительный фон не отвлекал внимание читателя. На лавры

советского Рубенса претендует сейчас писатель Макаренко («Семья Веткиных»).

Но, позвольте, скажет читатель, разве мало оптимизма было во всех произведениях, посвященных второй пятилетке? Почему они сегодня навлекают на себя гнев критики? Почему оптимизм Макаренко одобряется, а оптимизм Пильняка или Киршона чуть не злостное вредительство? Ведь подъем «знатных людей», который на самом деле происходил в насыщенной драматизмом обстановке, почти всеми писателями подавался односторонне, как «оптимистическая трагедия», а не как социальная драма.

Чтобы разобраться в этом кажущемся противоречии, нужно отдать себе отчет в одном очень важном обстоятельстве. Писательская общественность, вкупе с верхами советского общества проглядела, как под залпы Московских расстрелов снят был лозунг о «веселой и зажиточной жизни». Она втайне рассчитывала на то, что террор пройдет где-то стороной, она явно недооценила значения нового лозунга о борьбе с «идиотской болезнью беспечности». Писатели продолжали славословить «веселую и зажиточную жизнь», но эту «веселую и зажиточную жизнь» они попрежнему подавали на тревожном и драматическом социальном фоне. Не за славословие советскому обилию, а за этот беспокойный социальный фон расплатились Киршон, Пильняк и многие другие писатели. При всем своем оптимизме, при всех «веселых» декорациях, при всех «бодрых» монологах все произведения этих лет изображают мимоходом и простых смертных, задавленных работой, нуждой, беспорядком. Иными словами: эти книги слишком насыщены социальным электричеством, слишком политичны. В аспекте новых устремлений диктату-

ветского военного флота американскими верфями, является одним из грозных признаков этой универсализации...

Империалистические цели, с поразительным упорством и выдержкой преследуемые Японией уже в течение десятилетий, ясны: Азия, прежде всего — Китайская и Сибирская Восточная Азия, должна стать японской империей. Факторы экономического и военно-стратегического порядка сплетаются в этой политике. Японии нужно продовольствие для непрерывно растущего населения, ей нужны рынки сбыта и сырье, прежде всего — уголь, железная руда и нефть, для непрерывно растущей промышленности. Чем более гигантские успехи делает военная техника, в особенности техника воздухоплавания, тем более стремится Япония организовать защиту своих островов на плацдармах, далеко выдвинутых на азиатский материк. Но каждая удачная вылазка укрепляет японский милитаризм, повышает спрос военизирующейся промышленности на сырье, толкает все к новым завоеваниям на азиатском континенте, чтобы закрепить захваченное и подготовить дальнейшее наступление. Так уже десятилетиями работает японский империализм на конвейере. Аннексия Кореи (1905 г.) побудила его — после неудачной попытки воспользоваться гражданской войной в России для захвата Восточной Сибири — к оккупации Манджурии. Захват Манджурии, в свою очередь, толкает в завоеванию северных провинций Китая, которое должно восполнить оказавшиеся недостаточными сырьевые ресурсы Манджурии, закрепить и обезопасить манджурскую добычу и подготовить фланговый марш японской армии через Монголию в тщательно подготовляемой будущей войне против Советского Союза.

В тот момент, когда пишутся эти строки, невозможно еще с уверенностью сказать, разовьются ли события в тот «большой и решительный удар», к которому готовится Япония, или же, после короткой военной бури, снова наступит временное затишье.

Причин для колебания перед «большой» военной авантюрой у господствующих классов Японии немало. Им дает достаточно материала для размышления внутреннее состояние Японии: ужасающая нищета и повышающееся революционное настроение японских трудящихся масс, с одной стороны, возрастающая наглость военщины, не останавливающейся подчас, как показали недавние события, перед нарушением самых «священных» прав крупного дворянства, крупной буржуазии и даже самого императора, с другой. Но — и это самое главное — Китай теперь уже далеко не так бессилен и беспомощен, как шесть лет тому назад. Его армия теперь гораздо сильнее и гораздо лучше обучена и вооружена. Национальное самосознание китайского народа окрепло, и первые же новые акты насилия со стороны японского империализма объединили в отпоре ему все слои народа, вплоть до коммунистических, во имя национальной самообороны. В наличных же условиях это «национальное единение» и в Китае, как в Испании, неизбежно приведет к новому пробуждению и радикализации революции, наиболее опасным именно для японских соседей Китая. «Только революционная война может дать желательный выход из нынешнего положения», сказал в газетном интервью Сун-Фо, председатель Нанкинского Законодательного Собрания.

Но есть другие факторы, которые, наоборот, заставляют господствующие классы Японии спешить с нанесением «решительного удара» и которые, кажется, на-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ры процесс кристаллизации господствующего сословия будит в читателях слишком много проклятых вопросов.

И не раз за последние месяцы приходилось читать статьи того или иного стремящегося сделать молниеносную карьеру критика, который роясь на полках советских библиотек, натывается на книги, приводящие его в священный ужас: «Как могла такая книга быть издана и даже переиздана у нас», когда «политическая вредность» ее так и прет из всех щелей?! Увы, «политически вредны» сейчас все книги, посвященные генеральной линии.

Вот почему и дан сейчас новый лозунг: «Пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, въ свое время не раскритикованных или позабытых, но продолжающих политически вредно воздействовать на массового читателя» («Литературная Газета» от 15-го августа).

В свете этого нового курса понятным становится, отчего шельмованию предаются писатели именно за старые произведения. Чумандрину вспомнили его первую повесть «Родню» (1927 г.) и роман «Бывший герой» (1929 г.), в котором он с явным неодобрением живописует разложившегося «левого коммуниста». Обе вещи в свое время были критикой одо-

явлен чуть ли не «врагом народа» за маленький рассказ «Макар, карающая рука» (1928 г.), в котором введен наивный рабочий «с сильными руками и слабой головой», который никак в толк не возьмет, почему так трудно создается новый строй, дело ведь такое простое, нужно только этот новый порядок строить «на базе сочувствия неимущим». Безыменскому поставили на вид перепечатку его прежних стихов, посвященных в 1923 году Троцкому. Но это посвящение во всех последующих изданиях было предусмотрительно снято самим Безыменским. Слишком очевидно, что дело не столько в посвящении, сколько в самом содержании этих стихов.

И тем не менее жестокость расправы понятна: ведь книги эти давно во многих десятках и сотнях тысяч экземплярах распространены в стране, изъять их из обращения — дело большое и хлопотливое. Эти книги — живые обличители нового курса диктатуры. Они сегодня враги, которых даже нельзя засадить в изолятор или послать в концлагери. С тем большей силой обрушивается бессильный гнев диктаторов на тех, кто дал жизнь этим сегодня уже неистребимым свидетелям революционных надежд и иллюзий, способным еще и сейчас взбунтовать столь ненавистную выродившемуся режиму «социальную пыль»...

чинают перевешивать все другие соображения. Это прежде всего — тот решительный отпор, которым Китай уже ответил на новый акт насилия и который делает путь отступления — путем унижения и непоправимого удара «престижу» японской военщины. Это — активная помощь германского и итальянского фашизма, на которую Япония вправе рассчитывать. Это — нерешительность и слабость мирных великих держав, как результат их собственной внешней политики, с одной стороны, общего им с Японией страха перед возрождением китайской революции, с другой, парализующего их в отпоре японскому агрессору и в защите столь торжественно обещанной «неприкосновенности китайской территории». Это наконец и, быть может, в первую голову, — то состояние недееспособности, в которое как раз теперь поверг Советский Союз кризис Сталинской диктатуры, обезглавившей и дезорганизовавшей не только все государственное управление и хозяйство, но и военные силы страны.

Историческая роль русской революции в развязывании национальной революции Китая, конечно, огромна. Но большевистская диктатура имеет на себе по отношению к Китаю немало грехов. Мы не будем возвращаться к тем далеким временам, когда большевистская диктатура, вместо того чтобы облегчить свободное развертывание внутренних сил китайской революции, пыталась «со стороны» форсировать ее и подчинить ее ход своим собственным интересам. Достаточно вспомнить, как в 1927 году Сталинская диктатура, вопреки настояниям Социалистического Интернационала, силою оружия помешала возвращению Восточно-Китайской жел. дороги в китайские руки. Она необычайно ослабила этим китайскую революцию и подkopала ее пози-

ции в Манджурии, не приобретя при этом никаких выгод и для Советского Союза: наоборот, единственным последствием этой преступной политики было то, что дорога перешла в руки японской военщины и что манджурским соседом Советского Союза, вместо мирного и территориально-насыщенного Китая, стала воинственная и агрессивная Япония, которой Советский Союз вынужден делать одну уступку за другою — даже не за тем, чтобы избежать войны, но хотя бы ее отсрочить. Вряд ли можно сомневаться в искренности усилий сохранить мир, делаемых Советским Союзом за последнее десятилетие. Приходится, к сожалению, констатировать, что средства, к которым Сталинская диктатура для этой цели прибегала, слишком часто были столь же мало пригодны для действительного «спасения мира», как и средства других мирных великих держав...

Советское правительство явно хочет и теперь остаться в стороне от японо-китайской войны. Оно надеется, быть может, на то, что японский милитаризм обломает себе зубы о китайскую Великую Стену. Советская печать крайне сдержанна поэтому в своих отзывах о последних событиях в Китае. Ее главная забота состоит в том, чтобы внушить советскому читателю гордую и утешительную мысль, что, если Япония вновь бросается на Китай, то потому, что боится ринуться «в другом направлении», в направлении Советского Союза: ее пугает мощь советской страны. Увы, столь оптимистическое толкование, если оно вообще сколько-нибудь искренне, покоится на иллюзии. Одной из задач завоевания Северного Китая является, несомненно, подготовка нашествия на Восточную Сибирь. И как раз неудача северо-китайской авантюры могла бы толкнуть японский милитаризм к попытке использовать дезорганиза-

Ф. Д.

Лукавые ответы

В только что вышедшем номере «Бюллетеня оппозиции» Троцкий дает гласные «ответы на вопросы Венделина Томаса», — повидимому, одного из членов той нью-йоркской комиссии, которая расследует основательность обвинений, выдвинутых против Троцкого и «троцкистов» на позорных московских якобы-процессах.

С завидной и достойной уважения энергией борется Троцкий за свою реабилитацию, и всякий честный социалист обязан, конечно, всячески помогать ему в разоблачении гнусно-клеветнического характера обвинений во вредительстве, шпионстве, связи с Гестапо и т. п., выдвинутых Сталиным против него и всех тех политических противников сталинской диктатуры, которых сталинское, с позволения сказать, «правосудие» объединяет наименованием «троцкистов».

Но, чем более солидарны мы с разоблачительной кампанией Троцкого, тем более считаем мы себя обязанным — именно во имя успеха этой кампании — со всей резкостью отметить увертливый, лукавый, двусмысленный и трусливый характер тех «ответов», которые Троцкий дает на вопросы, поставленные ему Венделином Томасом. Эти «ответы», вопреки утверждению Троцкого, не только не «облегчают знакомство с его действительными взглядами всем тем, кто интересуется ими», но тщательно затушевывают и фальсифицируют эти «взгляды», — по крайней мере, поскольку эти «взгляды» получили выражение в политической практике Троцкого в эпоху его величия и в многочисленных писаниях Троцкого уже после его падения.

Как видно из ответов Троцкого, вопросы Томаса казались главным образом методов, практиковавшихся Лениным и самим Троцким в борьбе с их политическими противниками, в частности, с меньшевиками, а так-

цию военных сил Советского Союза и его пошатнувшееся внутренне- и внешне-политическое положение для того, чтобы немедленно вторгнуться в Приамурье и, в конечном счете, — амурским факелом зажечь мировой пожар.

*
*
*

Новое нападение Японии на Китай необычайно обостряет опасность мировой войны. Оно еще раз напоминает трудящимся массам всего света, что «неделимость мира» не должна оставаться бессодержательной формулой, эксплуатируемой бессовестными дипломатами буржуазии, потому что для человечества эта неделимость является самой серьезной и горькой реальностью. Оно еще раз напоминает о том, что Лига Наций, коллективная безопасность и прочие средства борьбы за мир не должны оставаться «фикцией», потому что речь идет о жизни и смерти необозримых миллионов людей, о благе или погружении в варварство всего человечества.

Но оно напоминает трудящимся массам и о том, что спасительная борьба за мир не может уже вестись с успехом иначе, как в неразрывном единении с борьбой за освобождение трудящегося человечества от всякого угнетения и всякой эксплуатации, с борьбой за социализм. Вне такой связи мнимый мир всегда будет лишь обманчивым предтечей новых и все более ужасных и опустошительных войн...

же образа действий Троцкого по отношению к так называемому «кронштадтскому восстанию» 1921 года *).

На последний вопрос Троцкий отвечает, что «оценка кронштадтского восстания 1921 года», которую дает Томас, «в корне неправильна». Со своей стороны, Троцкий заявляет, что «за восстание сейчас же ухватились все реакционные элементы, как в России, так и за границей». Это, конечно, верно. Но реакционные элементы пытаются ухватиться за всякую оппозицию большевистскому режиму, в том числе и за борьбу Троцкого против Сталинской диктатуры. Эти попытки должны, разумеется, учитывать в методах и формах своей борьбы всякая подлинно революционная и социалистическая оппозиция. Но попытки эти ни в коем случае не могут опорочить самое оппозицию и уж, конечно, ни в какой мере не оправдывают клеветы власть имущих по адресу оппозиции, напр., клеветы Сталина по адресу Троцкого.

Между тем, Троцкий, исправляя «в корне неправильную оценку» Томаса, изображает кронштадтские события 1921 года так: «Страна голодала. Кронштадтцы требовали привилегий. Восстание диктовалось стремлением получить привилегированный паек».

Троцкий хорошо знает, что отвечает на вопрос Томаса заведомой неправдой. Кронштадтцы не требовали ни «привилегированного пайка», ни «привилегий» вообще: они требовали свободной торговли хлебом для всех, и сейчас же после подавления восстания это требование их было выполнено Лениным и Троцким, тогдашними диктаторами-дуумвирами. Но они требовали кроме того «свободных советов», т. е. предоставления советам тех прав свободных выборов, контроля над местными властями и правительством и пр., которые значились за ними по конституции на бумаге, но которые на деле уже в эту пору сменялись самовластием диктаторствующей бюрократии, — тогда, конечно, еще революционной по своим настроениям. И вот на это-то требование Ленин и Троцкий ответили пушками. «Пушки и корабли» кронштадтских матросов были пушены в ход лишь в порядке обороны: Кронштадтцы вовсе не подняли восстания: это — клеветническая легенда. Они были насильственно вогнаны в восстание никем иным, как Лениным и Троцким. И это и было началом того рокового развития и контр-революционного вырождения большевистской диктатуры, которое теперь возглавляется — Сталиным.

Точно так же заведомая неправда, будто кронштадтское движение отражало «вражду отсталого крестьянина к рабочему, высокомерие солдата или моряка по отношению к «штатскому» Петербугу». Троцкий хорошо знает, что требования кронштадтских матросов были те же самые, которые только что всеобщей забастовкой отстаивали петербургские рабочие. Он хорошо знает, что на «высокомерии солдата или моряка» по отношению к «штафиркам» пытались спекулировать во время этой забастовки именно тогдашние большевистские власти, организовавшие поездку «кронштадтской делегации» в Петербург и грозившие «шкурникам»-рабочим расправой «красных кронштадтцев». В «контр-революционную сволочь» кронштадтская «краса и гордость русской революции» превратилась именно тогда, когда, вместо того, чтобы противоставлять себя «штатским» рабочим, она сама присоединилась к их требованиям.

*) Мы оставляем в стороне «ответы» Троцкого на вопрос о политике его и Ленина по отношению к так наз. «махновскому» движению: и об этих «ответах» можно было бы кое-что сказать.

Но еще бесконечно более жалки и увертливы ответы Троцкого на вопрос об его собственных и Ленина методах борьбы с политическими противниками в социалистическом лагере, в частности — с меньшевиками. * Томас сослался «на слова Ленина о том, что революционная партия имеет «право» делать своих противников презренными и ненавистными в глазах масс». Эти слова, как известно, были сказаны Лениным в его речи на партийном суде по оклеветанию Ф. Дана, — суде, в конце концов, сорванном Лениным. По уверению Троцкого, в этих словах «Ленин хотел лишь сказать, что он не рассматривает более меньшевиков, как пролетарских борцов», и если в чем повинен, то разве в том, что, выразив эту мысль «со свойственной ему страстностью, открыл возможность для двусмысленных и недостойных интерпретаций». Троцкий и тут говорит заведомую неправду. Он хорошо знает, что в намерения Ленина, как он сам откровенно признал в своей речи, как раз и входило — вызвать «двусмысленные и недостойные интерпретации», заставить рабочих думать, что меньшевики и, в частности, Ф. Дан, продались буржуазии за деньги и за «местечки в Государственной Думе».

* Троцкий хорошо знает (в свое время он сам не мало говорил и писал об этом!), что этот эпизод — не досадная случайность в политической биографии Ленина, а лишь выражение тех методов, которые Ленин систематически применял в борьбе со своими фракционными противниками, выражение политической морали «ленинизма».

Здесь, конечно, невозможно даже перечислить хотя бы самые яркие проявления этой «морали». Но одно из самых возмутительных восстановить в памяти необходимо, — хотя бы потому, что за него полную политическую ответственность несет и сам Троцкий, бывший в то время, наряду с Лениным, всемогущим диктатором. Речь идет о знаменитом «правительственном сообщении 1920 года и сопровождавших его статьях и комментариях всей большевистской печати по поводу начала советско-польской войны: нашей партии члены которой были в то время еще мобилизованы в рядах Красной Армии на борьбу с контр-революцией и во главе которой стоял Ю. О. Мартов, официально* бросалось обвинение в запроданности «панской Польше», в саботаже, вредительстве, шпионстве,* поджоге товарных складов, взрыве мостов и пороховых погребов, отравлении питьевой воды и т. п. Чем эти гнусно-клеветнические обвинения, бросавшиеся Лениным и Троцким социалдемократам и Мартову, хоть на иоту отличаются от тех, которые теперь Сталин бросает Троцкому и «троцкистам»?.

А между тем Троцкий не только тогда, но и впоследствии пальцем о палец не ударил, чтобы снять с себя ответственность за этот позорный акт и отгородиться от тех методов борьбы с политическими противниками, которые он и сейчас считает возможным покрыть «заявлением», что Ленин «был самым лояльным противником» и «стремился всегда говорить массам то, что есть» (курсив Троцкого). Наоборот, в своих дальнейших устных и письменных выступлениях, вплоть до пресловутого «меньшевистского процесса», он, и будучи уже сам в изгнании, не переставал развивать тему о «поддержке, в том числе и денежной», которую наша партия, в силу своей «контр-революционности», якобы получала от буржуазии, русской и иностранной.

Какой-же жалкой диверсией являются после этого указания Троцкого, что «наиболее оклеветанными являются всегда революционеры», когда он забывает прибавить, что были все-же в истории русской революции оклеветанные им самим и Лениным револю-

ционеры и социалисты — наша партия, — которые и в самый разгар своей острой борьбы с большевиками умели бороться против травли большевиков, как «немецких агентов и шпионов», и которые имеют право на нелицемерное возмущение политическим «аморализмом», потому что никогда не спускались до него даже и тогда, когда сами становились его жертвой! И каким еще более трусливым уклонением от существа поставленного ему вопроса о «цели, оправдывающей средства», являются туманные разглаживания о том, что «хороши те средства, которые ведут к повышению власти человека над природой и к ликвидации власти человека над человеком»; что, «если целью является освобождение человечества, то ложь, подлог и измена никак не могут быть целесообразными средствами»; что, наконец, «ложь, вероломство, предательство допустимы и оправданы» могут быть лишь в том случае, если сама «цель» — «свинская»! Все это — истины очень почтенные, но они не дают никакого ответа на конкретный вопрос о том, какую роль играли ложь, подлог, вероломство и т. п. «средства» в политической практике Ленина и, увы, самого Троцкого, «цели» которых, несомненно, были не «свинскими», а самыми возвышенными. Сам Ленин, с свойственным ему и отличающим его от Троцкого идейно-политическим мужеством, как известно, еще в «Детских болезнях левизны» не постеснялся печатно заявить, что означенные «средства» он почитает не только допустимыми, но прямо-таки обязательными...

И не Ленин-ли предрекал Сталину кроваво-грязные методы расправы с политическими противниками, когда в своей записке Наркомюсту Д. Курскому, опубликованной к 13-й годовщине его смерти, требовал не только расширить применение расстрела по всем видам деятельности меньшевиков, социалистов-революционеров и т. п., но и «найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с междоусобицей буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)»?.

Мы говорим все это, разумеется, не для того, чтобы напасть на Троцкого как раз тогда, когда мы, вместе со всем международным социализмом, делаем все, что в наших силах, для защиты Троцкого и его действительных или мнимых единомышленников в большевистском лагере от физического и морального палачества Сталина. Не «сводить счеты» с Троцким хотим мы. Но, если не сводить все дело к никому, кроме самих «актеров», не интересной личной «борьбе за власть» между Троцким и Сталиным, как хочет свести Сталин, а пытаться изображать междоусобицу в большевистском стане, как борьбу каких-то двух принципов в социалистической политике и социалистической власти, как это делает Троцкий, то надо, прежде всего, с полной определенностью отдать самому себе отчет в сущности этих «принципов». * Надо честно и мужественно признать, что «аморализм» Сталина, против которого борется Троцкий и против которого он — во имя политической морали! — апеллирует к нью-йоркской комиссии, и к общественному мнению пролетариата и демократии всех стран, и даже к вошедшему в состав нью-йоркской комиссии раввину,* является таким же законным детищем ленинского «аморализма», как бессудные расправы Сталина — детищем бессудных расправ эпохи Ленина-Троцкого, как выражающаяся сталинская бюрократия — детищем той «революционной» бюрократии, рождающуюся диктатуру которой над пролетариатом и над всей страной возвели громившие Кронштадт пушки Троцкого.

Только на основе такого честного и мужественного признания и соответствующих выводов из него могут

социалисты и коммунисты успешно бороться против контр-революционных тенденций Сталинской диктатуры и Сталинской бюрократии, ограждая в то же время действительные революционные и социалистические завоевания советской эпохи. Без такого признания вся борьба против Сталина лишается принципиальной основы и повисает в воздухе — к великой выгоде для «власть имущего», т. е. для самого Сталина...

P. S. — В номере «Правды» от 6 августа, посвященном 20-летию 6-го съезда ВКП и так наз. «июльских дней 1917 г.», я читаю в статье некоего М. Волина:

Ю. О.

Советский кризис и Коминтерн

Коминтерн находится в такой зависимости от советского государства, что было бы совершенно непонятным, если бы он остался незатронутым развивающимся в Сов. России внутренним кризисом, тем более, что многие из попавших в опалу русских коммунистов были тесно связаны с иностранными ком. кругами, а некоторые, прежде всего Троцкий, Радек и Бухарин, были в прошлом активнейшими и руководящими деятелями Коминтерна. Конечно, «друзья» Троцкого, Радека и Бухарина давно от них отреклись и проклинали бывших покровителей на всех соборах. Но самый факт существования этой дружбы является, несмотря на все отречения и предательства, тяжелым преступлением. Многие деятели Коминтерна и, опять-таки, их «друзья» в отдельных партиях являются, таким образом, скомпрометированными. Наряду с этим в Москве существует сейчас потребность, — именно в виду нынешнего кризиса и его действия вне России, — обеспечить такое руководство иностранными партиями, чтобы они оставались абсолютно, стопроцентно покорными орудиями сталинской политики.

Московские властители не могут, конечно, чинить внутри иностранных коммунистических партий такую же ничем не сдерживаемую расправу, как в самом Советском государстве. Сажать в тюрьмы и расстреливать они могут только находящихся в Советской России коммунистических эмигрантов. В сравнительно короткий срок можно очистить различные бюро, находящиеся в Москве около верхушки Коминтерна. Много труднее уже перетрясти отдельные партии — в особенности те, которые, как французская, приобрели значительный удельный вес в политической жизни своей страны и которые, в особенности при политике Народного Фронта, связаны уже не только директивами Москвы, но и теми внутривластными условиями, в которых им приходится развивать свою политическую активность. Этим объясняется тот факт, что даже «чистка» эмигрантских коммунистических партий производится в не Советской России с до сих пор непривычными медленностью и оглядкой, в то время как в Москве многие члены тех же партий арестованы, а частью уже расстреляны.

Несколько раз распространявшиеся слухи об опале самого Димитрова не только не находили подтверждения, но были прямо неверными. Димитров остается на своем посту и продолжает время от времени публиковать статьи, являющиеся директивными для всех коммунистических партий и перепечатываемые всей коммунистической прессой. Сместить Димитрова было бы неприятно, так как он со времени Лейпцигского про-

«Лидер меньшевиков Дан нагло заявил об участии германских агентов в июльских событиях».

Это верно, что, решительно защищая большевистскую партию и ее вождей от обвинения в служении германской контр-разведке, я тогда, в 1917 году, думал и говорил (как думаю и говорю и сейчас, в 1937 году), что неразборчивость большевистской партии и ее вождей в средствах позволяла агентам германской контр-разведки «примазывать» к ее деятельности, в частности — и к «июльским событиям».

Но какой-же медный лоб надо иметь сталинскому борзописцу, чтобы это мнение мое объявлять «наглым», когда его хозяин заявляет теперь, что *чуть не все вожди* и активные участники «июльских событий» были испокон веку «врагами народа» и изобличены ныне именно как «германские шпионы»!

цесса приобрел широкую популярность и за пределами коммунистических партий. Зачем отказываться от возможности при случае козырнуть создавшейся вокруг Димитрова легендой? Ведь мир знает только мужественного подсудимого, а не креатуру, не коминтерновского чиновника, покорно исполняющего все предписания и тихо наблюдающего, как ликвидируются его вчерашние друзья. Говорят, что он пробовал сначала за некоторых заступаться, но понял затем, чем это может кончиться для него самого, и перестал. Убрать же Димитрова, который ничему не мешает, значило бы создать во всем мире впечатление, что ликвидируется в значительной мере им олицетворяемая политика Народного Фронта, а этого пока еще не хотят.

Но самым ярким и энергичным проводником политики Народного Фронта, в особенностях политики мобилизации всех общественных сил против гитлеровской Германии, был не Димитров, а немецкий коммунист Вилли Мюнценберг. Уже в Германии выдвинувшийся, как блестящий коммунистический делец и, в частности, как очень искусный «совратитель» радикальной интеллигенции, Мюнценберг развил сейчас же после гитлеровского переворота чрезвычайно кипучую деятельность. Он создавал одну за другой международные антифашистские организации; по его инициативе и под его более или менее незримым руководством возникали различные движения протеста против гитлеровского террора; его издательства выпускали на разных языках брошюры и книги против Гитлера, из которых некоторые несомненно произвели сенсацию. Это он сумел создать большой международный резонанс Лейпцигскому процессу о поджоге рейхстага, — т. е. именно процессу, на котором создалась слава Димитрова.

Будучи в Париже одним из представителей Коминтерна, Мюнценберг в свое время способствовал переходу французской коммунистической партии к политике Народного Фронта, а затем, когда в кругах немецкой социалдемократической эмиграции возникла идея организации немецкого Народного Фронта, Мюнценберг сейчас же за нее ухватился и более, чем кто-либо другой, способствовал ее осуществлению. Когда осенью прошлого года одна французская газета сообщила, будто Мюнценберг арестован в Москве, никто к этому серьезно не отнесся, и Мюнценберг действительно не был арестован, а через несколько дней вернулся из Москвы в Париж. Но — странным образом — дым был не совсем без огня. В Москве действительно было намерение не выпускать Мюнценберга, и ему не без труда удалось добиться разрешения вернуться на место своей постоянной и, казалось бы, столь успешной дея-

тельности. Почему возникло тогда в Москве недоверие к Мюнценбергу? Вероятно, вследствие его долголетней, еще во время войны в Швейцарии начавшейся близости к Радеку. Тем не менее он получил осенью, если не полное прощение, то по крайней мере отсрочку. Но в различных коммунистических, в особенности в немецких, кругах стало известно, что положение Мюнценберга пошатнулось, и это придало смелости всем его противникам и соперникам. Началась борьба, типично коммунистическая борьба интриг, заподозриваний и доносов... Мюнценбергу было трудно защищаться. Он не решался ехать в Москву, чтобы там защищать себя против всяческих обвинений. Он не поехал и тогда, когда его туда вызвали, боясь, что не сможет оттуда вернуться. В результате он оказался побежденным.

Москва постаралась устранить Мюнценберга по возможности без особенного шума. Он — пока, по крайней мере, — не исключен из партии, не объявлен троцкистом и агентом гитлеровской разведки. Но у него постепенно отняли все его функции. В организациях международного характера, которые все были им созданы и им руководились, его заменил бывший лидер чешских коммунистов Шмераль. В немецких организациях и предприятиях его заместителем стал Вальтер Ульбрихт. Неумный и бездарный, этот Ульбрихт еще в Германии успел даже среди коммунистов прослыть услужливым лакеем. Между прочим, это он проводил в ноябре 1932 года вместе с национал-социалистами забастовку берлинских городских путей сообщений, смысл которой для него состоял только в том, чтобы компрометировать социалдемократию и профсоюзы.

Кроме Мюнценберга «снят с работы» целый ряд немецких коммунистов. Одни из них посланы в Испанию, другие вызваны в Москву, и судьба последних в большинстве случаев неизвестна. Осведомленные коммунисты утверждают, что устранены как раз все те, кто с особым старанием и даже со страстью проводили политику Народного Фронта, для кого политика эта была, повидимому, больше чем простым маневром, который в любой момент может быть изменен или даже заменен совсем противоположным маневром. Сам Мюнценберг не раз по указанию свыше менял свои «убеждения», не отличался ни особой честностью, ни силой характера, но в политику Народного Фронта и в борьбу против Гитлера он вложил столько энергии и темперамента, так отождествил себя с этой политикой, что его уже нельзя было бы использовать для политики противоположной. Некоторые уверяют, что он и сам на это не пошел бы. А это значит, что на него «на сто процентов» положиться уже нельзя, а стало быть, от него надо избавиться.

В самой Москве каждый немецкий коммунист является подозрительным уже потому, что он немец. Такое отношение обосновывается тем, что немецкая партия была насквозь пропитана шпионами и предателями. Первой жертвой был обвинявшийся в августовском процессе и расстрелянный Франц Давид, — правда, не немец по происхождению, но выдвинувшийся и игравший известную роль в немецкой партии. Там ему покровительствовал один из лидеров немецкой партии, член рейхстага Геккерт. После гитлеровского переворота и Геккерт и Давид попали в Москву. Он долгое время не мог устроиться, но затем на него обратил внимание сам Сталин, и по сталинскому приказу Д. стал постоянным сотрудником «Правды», а затем сделался секретарем председателя германской коммунистической партии Вильгельма Пика. Д. подготовил Пика доклад для конгресса Коминтерна в августе 1935 года и является, повидимому, автором официально принятой немецкими коммунистами программы Народного Фронта. Против Д. было

выдвинуто совершенно вздорное обвинение, будто он намеревался во время конгресса Коминтерна убить Сталина. Его старый покровитель Геккерт внезапно умер в апреле 1936 г. и был весьма торжественно похоронен. Между тем, он покончил самоубийством, и позднее в коммунистических кругах утверждали, что причиной этого самоубийства был арест Давида. Если это так, то Геккерт был предшественником Томского и многих других.

За последние месяцы «исчез» целый ряд живших в Москве иностранных коммунистов, главным образом немцев и поляков, затем венгров: это значит, что их ни на их постах, ни в их квартирах найти нельзя, и судьба их остается совершенно неизвестной. «Исчез», напр., вместе со своей женой Кирхенберг, бывший заведующий информационным отделом немецкой Компартии. Говорят, что ни его, ни его жены уже нет в живых. «Исчез» уже с полгода тому назад игравший раньше большую роль немецкий коммунист Дитрих. «Исчез» также специалист по военным вопросам Роберт Гаушильд, работавший в Академии Красной Армии и бывший в близких отношениях с Гамарником. Немецкой делегации в Коминтерне было сообщено, будто Гаушильд сознался, что был шпионом германского генерального штаба. Недавно было сообщено в порядке внутривластной немецкой информации, что «бывшие товарищи» Гейнц Нейман, Реммеле и Шуберт исключены из партии, так как оказались троцкистами и агентами Гестапо. Сами коммунисты, рассказывая об этом, прибавляют: если их объявили троцкистами и шпионами, то надо думать, что они не только исключены, но и расстреляны... Арестован, но повидимому еще жив, очень преданный Мюнценбергу немецкий коммунист Зауерланд. Сослан в Соловки и там умер известный венгерский коммунист Мадьяр. В коммунистических кругах называют еще много имен арестованных или уже расстрелянных, но проверить эти сообщения было пока невозможно.

Для тех, кто был застигнут грозой в Москве, спасения не было. Но многие поехали в Москву из заграницы, зная, что им ничего доброго ожидать нельзя, и тем не менее подчиняясь приказу. В большинстве случаев это было проявлением не слепой дисциплины, а полной безнадежности. Находясь в полной материальной зависимости от Москвы, они знали, что неподчинение означает для них невозможность существования. Большинство из них — давние партийные чиновники — не способны уже ни к какой другой работе. А кроме того они убеждены, что так или иначе, но карающая рука ГПУ их все равно настигнет. Ну, а в Москве может быть еще удастся выкарабкаться. Иные стараются спасти себя, изоцряясь в доносах на своих товарищей.

Степень морального разложения, охватившего верхушку Коминтерна, не поддается никакому описанию. Так лепится тот аппарат, посредством которого Москва хочет держать в абсолютном повиновении все коммунистические партии. «Чистка» эмигрантской немецкой партии представляется своего рода репетицией. Сколько-нибудь думающие коммунисты не сомневаются, что Москва больше всего хочет провести «чистку» французской партии, чтобы выкорчевать из нее все стремления к известной самостоятельности. Предлогом для производимых и подготавливаемых операций выставляется необходимость отбора элементов абсолютно надежных в борьбе против «троцкизма».

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

Плоды этой политики уже сказываются и в Испании и могут оказаться роковым для испанской революции. Но и вне Испании является все более сомнительным, сможет ли политика Народного Фронта выдержать то испытание, которому она таким образом подвергается. Правда, эта политика Москвой еще не

осуждена, но становится все более ясным, что Москва хочет иметь только такой Народный Фронт, который готов беспрекословно подчиняться московским директивам. Советская трагедия грозит, таким образом, стать и трагедией международного рабочего движения и трагедией международной демократии.

АУСТРИАКУС

Сталин и международное рабочее движение

Что Сталин натворил в международном рабочем движении!

Вот уже год как мы все, сначала с сомнением, затем с ужасом и, наконец, с отчаянием переживаем то, что он натворил в России. Какие бы объяснения ни подыскивать для того, что происходит сейчас в Советском Союзе, события эти тяжелым бременем ложатся на совесть каждого честного социалиста.

Мы не собираемся здесь анализировать еще раз эти события. Ясно, что московские процессы знаменуют одну из самых «черных годин» в истории Советской России, как выражается английский социалист Брейлсфорд, один из самых искренних друзей Советского Союза. Ясно только, что истребительная борьба, которую Сталин ведет против старой большевистской партии, приводит не только к физическому уничтожению, но еще больше к моральному разложению наиболее активных элементов русского пролетариата, в то время как широкие массы по-революционным «беспартийных» равнодушно, а частью и одобрительно приемлют эту бойню: они воспринимают ее привычно-безропотно, как все, что исходит из верхов, где безапелляционно решаются судьбы России, а временами и приветствуют ее, как устранение нежелательных партбюрократов, непокорных критиков и саботажников, которые мешают обещанному Сталиным спокойному подъему к «веселой и зажиточной жизни».

Ясно только, что политика Сталина неумолимо ставит перед нами дилемму: либо двадцать лет большевистской диктатуры привели к тому, что все руководство партии и государства сверху до низу оказалось в руках предателей и шпионов, либо же единственное социалистическое государство в мире весь свой гигантский аппарат власти и пропаганды, все свои суды и всех своих палачей поставило на службу одной грандиозной лжи.

Ясно далее, что международные позиции Советского Союза, который после своего включения в европейский «фронт мира» бесспорно добился большого влияния, потерял страшный урон, благодаря внутреннему кризису Союза.

Ясно, наконец, что эти трагические события снова поднимают мучительный вопрос, не является ли все происшедшее неизбежным развитием всякой диктатуры, даже пролетарской и тем самым для всех нас ставит в порядок дня роковую проблему: продолжает ли пример Советской России являться для нас, хотя бы в той степени, в какой мы его до сих пор считали, образцом, достойным подражания и применимым в европейских условиях? Является ли большевистский путь вообще путем к социализму?!

Но этих проблем мы здесь не собираемся решать. Мы вообще не хотим говорить здесь о Советском Союзе, о том значении, которое он исторически имел для развития пролетарской мощи и социализма, или хотя бы даже о том значении, которое он еще сохранил, несмотря ни на что. Мы хотим здесь рассмотреть только одну сторону этой проблемы, а именно **влияние русских событий на международное рабочее движение.**

То, что произошло в Советском Союзе по приказу Сталина, в высокой степени оправдало задним числом те сомнения и критические замечания по поводу поворота большевиков к «демократии», которые высказывались противниками Единого Фронта внутри международного рабочего движения. Параллельно с тем, как самоистребление диктатуры под сталинским режимом поколебало престиж Советского Союза в мировой политике (и тем в громадной степени усилило положение Гитлера), политика Сталина в международном рабочем движении поставила в необычайно выгодное положение всех противников единства. Все, что английские профессионалисты, голландские или скандинавские социалдемократы приводили в оправдание своего отрицательного отношения и своего недоверия к коммунизму, — все это, и еще гораздо более худшие вещи, Сталин в действительности проделал.

Противники единства указывали на то, что с коммунистами трудно вести переговоры, потому что их ответственные

представители вдруг могут оказаться обвиненными в «укло-не», попасть в опалу и быть смещенными со своих постов. Чем можно опровергнуть этот аргумент теперь, после того как мы пережили потрясающее зрелище, как Зиновьев, Радек, Бухарин, председатели Коминтерна и члены ленинского ЦК один за другим были арестованы, как предатели, преданы суду, расстреляны или заключены в тюрьму?! В самом деле, кто может теперь поручиться за то, что любой ответственный руководитель какой-либо компартии завтра же не будет разоблачен, как «фашистский агент» или казнен, как «шпион Гестапо»? С кем еще можно вести переговоры, имея уверенность, что он уже не заклеится? Вчера были разоблачены Зиновьев, Радек, Бухарин, — как долго еще будет держаться Димитров?

Но еще гораздо важнее другое: до превращения большевистской диктатуры в России в личную диктатуру Сталина левый фланг Социалистического Интернационала, защищавший соглашение с коммунистами, выступал как носитель большой идеи. Когда осенью 1934 г. левое крыло РСИ опубликовало «заявление семи партий», то за этими партиями численно не стояло большинство Интернационала, наоборот, — за исключением французской и испанской, эти партии не опирались на большие организации; но они несли в себе великую надежду всех рабочих. Они представляли собою возможное большинство завтрашнего дня, растущую силу будущего, — лучезарный идеал единства пролетариата. Мост между западно-европейской демократией и большевизмом, который мы стремились построить, своим восточным концом уходит сейчас в мрак. Мы хотели и хотим еще и теперь установить единство с пролетариями России, но вместо них мы имеем сейчас в лице Сталина уже не пролетарскую, а самое большее — анти-капиталистическую диктатуру. Воплощает ли она волю рабочего класса или же она насилует его? Сталин виноват в том, что на этот вопрос нельзя дать ответа. Сталин виноват в том, что сегодня воля к единству в союзе социалистов уже не освещена больше блеском великого обетования, а является — самое большее — велением рас-судка и практической необходимости. Сталин виноват в том, что **левое крыло международного рабочего движения сейчас роковым образом ослаблено.**

Нет сомнения, что ошибки были сделаны и на другой стороне. Если бы большинство РСИ в 1934 г. согласилось последовать указаниям меньшинства и начать переговоры с Коминтерном, тем самым подвергнув испытанию искренность поворота коммунистов к демократии, кто знает, не оказалось ли бы возможным иметь на них известное влияние? Кто знает, не оказались ли бы в этом случае логика фактов и логика единства достаточно сильными, чтобы предотвратить московские маневры, а может быть и московские аресты? Было ошибкой со стороны большинства РСИ, что оно сохранило в международном пролетариате изоляцию большевизма (правда, возникшую по собственной вине большевиков) в тот момент, когда Советский Союз от своей изоляции в международной государственной политике отказался. К сожалению, сейчас это большинство может опять-таки сослаться на то, насколько обосновано было его недоверие, насколько неискренни были заявления светского режима о своих симпатиях к методам демократии и свободы.

Ошибки обеих сторон переплетаются, но ошибки Сталина более чреваты последствиями, более кровавы и трагичны. Пули его палачей поразили единый фронт.

Что из этого следует? Должны ли мы отчетливо отмежеваться от Сталина, должны ли мы снять с себя ответственность за кровавое господство Сталина, дискредитирующее пролетарскую политику? Да! Но должны ли мы оборвать все наши отношения с коммунистами, должны ли мы предоставить русским рабочим их собственной участи? Нет!

Против этого говорит Испания. Против этого говорит тот факт, что коммунистические пролетарии, как и пролетариат

Советского Союза остаются существенной составной частью международного рабочего класса.

В Испании социалистические и коммунистические рабочие борются плечом к плечу в траншеях. Они сообща борются против международного фашизма, который предпринял там свое первое большое военное наступление на международном фронте. И фашистские гранаты делают столь же мало различия между социалистами и коммунистами, как фашистские концлагеря.

В России и в других странах миллионы рабочих, честных убежденных пролетарских бойцов стоят в рядах коммунизма. Они находятся под влиянием коммунистического аппарата, чиновники которого в лучшем случае не смеют думать, ибо думать сейчас опасно, а в худшем случае — говорят и пушут то, во что они сами уже больше не верят. Безхребетность, привычка, страх, — все эти язвы всякого аппарата, дающего теплые местечки и ломающего души, здесь в коммунистическом аппарате достигли особенно опасной и постыдной степени вырождения. Но коммунистические рабочие верят тому, что им преподносит этот коммунистический аппарат. Они верят в революционную программу большевизма. Они верят даже еще в Сталина.

С этими рабочими, веры которых мы не разделяем, но искренность которых мы признаем, мы хотим сблизиться, с ними мы хотим вступить в связь. В Испании часть рабочего класса находится в лагере анархистов; несмотря на самые глубокие принципиальные расхождения, несмотря на самые тяжелые сомнения по поводу анархистской организации и тактики, испанские социалисты и коммунисты до сих пор понимали, что в борьбе против фашизма они не могут отказаться от союза с этой значительной частью испанского пролетариата. Одним из самых сомнительных шагов со стороны испанских коммунистов являются те преследования, которые они за последнее время, — выходя далеко за пределы тех необходимых зачастую суровых мер, которые приходится применять во время войны для поддержания авторитета правительства и сохранения дисциплины, — стали направлять против субъективно честных революционных пролетариев, принадлежавших к ПОУМ или анархистам, перенося при этом на испанскую почву методы ГПУ и московских процессов. Тактику, которую мы рекомендуем по отношению к анархистам в Испании, необходимо применять по отношению к коммунистам во всем мире. В борьбе против фашизма они являются нашими союзниками, и все принципиальные и тактические разногласия не могут отменить этого веления необходимости в борьбе за жизнь или смерть, которую мы вынуждены сейчас вести.

Ко всему этому надо прибавить надежду, о которой мы говорили выше, как об исторически упущенной возможности, но которая, несмотря ни на что, существует еще и сейчас. Это — надежда, что контакт между социалистами и коммунистами может создать возможность взаимодействия между обеими сторонами, а следовательно, и **воздействия на коммунистов**. Тут опять можно сослаться на практический опыт одной страны — Франции, в которой единый фронт существует вот уже три года. Во Франции единый фронт выдержал испытание пребывания у власти. Если даже стоять на той точке зрения, что коммунисты часто делали затруднения правительству, то все же никто не станет отрицать, что коммунисты в общем и целом были лояльны и что они в данный момент не могут себе позволить, даже если бы захотели, тех «маневров», которые они проделывали до того, как было установлено единство действий. Они подверглись **воспитанию путем единства**, — даже в большей степени, чем социалисты, которые с самого начала более искренне относились к единству.

Эта перспектива приобретает особое значение, благодаря отраженному влиянию русских событий на самый Коминтерн. Мы указали выше, что Сталин ослабил левое крыло международного рабочего движения; это относится не только к сторонникам единого фронта внутри РСИ, но, в первую очередь, именно к Коминтерну. Мы не говорим уже о том, что именно сталинские преследования породили, буквально создали из ничего, новое движение налево от коммунистов: троцкизм. На самом деле это только маленькая секта, но сталинская магия видеть повсюду «троцкистов» создала этой группе незаслуженную славу и может быть придаст ей в будущем действительно серьезное значение.

Какое значение кризис большевизма имеет для Коминтерна? Раньше можно было в мировом рабочем движении провести примерно такого рода грубое различие: Социалистический Интернационал обладает более мощной организацией, Коминтерн — более сильной тягой к активности. Первый являл собою более статическую, второй — более динамическую силу. Но за последнее время положение вещей изменилось. Престиж Коминтерна значительно ослабел, благодаря событиям в России. В буржуазном мире — поскольку он не стал фашистским и не поддерживает по соображениям пропаганды легенду о большевизме, как источнике всех зол, —

Коминтерн, который когда то являлся страшилищем, сейчас сделался чуть ли не посмешищем. Но и в среде рабочего класса престиж и притягательная сила Коминтерна сильно идут на убыль: моральное влияние РСИ, несмотря на его политическую слабость, сейчас неоспоримо сильнее. Но не только морально, но и политически: кто осмелится еще сейчас утверждать, что Коминтерн является еще интернационалом революционного действия под единым командованием? Этого давно уже нет. Революционное действие исчезло, и осталось только командование.

Но если и исчезла та цель, которая должна была служить оправданием для организационного построения Коминтерна, для муштровки и казарменной дисциплины, которые в нем господствовали; если революционного действия сейчас в Коминтерне не больше чем в РСИ, то тем менее приемлемым является то слепое повиновение, которого попрежнему продолжают требовать в Коминтерне. Тогда мы имеем еще больше основания, чем раньше, выдвигать наше старое требование свободы мнений и демократии внутри рабочего движения. Тогда мы вправе больше, чем когда бы то ни было настаивать на свободе внутри Интернационала.

Этот лозунг «свободного Интернационала» играет большую роль в тех переговорах, которые ведутся во Франции между социалистами и коммунистами по вопросу о переходе от единства действий к единой партии. Наши французские товарищи требуют, чтобы объединенная партия присоединилась к свободному интернационалу, который дал бы возможность объединения различных частей и течений мирового пролетариата. Против этого требования коммунисты по существу ничего не могут возразить. Когда-то они ссылались на то, что слишком большая самостоятельность отдельных партий РСИ уничтожает единство действий Интернационала, — что по существу является верным. Но мы предпочитаем, чтобы ослабленная активность являлась следствием свободного самоопределения рабочего движения, чем террора и самодиктирования, как в настоящее время в Коминтерне. Лучше слабость Интернационала вследствие демократии, чем его паралич вследствие односторонней связи с диктатурой.

Если мы хотим иметь Интернационал, который соответствует нашим стремлениям, — Интернационал, сочетающий демократическую свободу внутри рабочего движения со способностью к революционному действию против фашизма и капитализма, — то путь к такому Интернационалу ведет не через раскол РСИ и уж во всяком случае не через вступление в разрушенный Сталиным Коминтерн. Единственным путем является честное продолжение наших стремлений к соглашению и совместному действию всех частей мирового рабочего класса: мы попрежнему остаемся сторонниками мирового единства. На этом пути лежит промежуточная цель, достижение которой является возможным и становится прямо необходимым благодаря разложению большевизма. Этой целью является воздействие на коммунистических рабочих, стремление перевести их на нашу сторону.

Это чрезвычайно трудная, но ни в коем случае не безнадежная задача. Ее нужно проводить в каждой стране и в интернациональном масштабе. Ее можно осуществить не путем острой брыби, а при помощи дружественной дискуссии; не при помощи маневров, а лишь путем открытого и честного утверждения своих убеждений. В первый раз со времени раскола социалисты будут иметь на своей стороне не только численный перевес и не только моральное превосходство, но и политическую инициативу. Нужно только, чтобы социалисты взяли ее на себя.

Но эту задачу можно выполнить только в том случае, если путем резкого и грубого отказа не оттолкнуть коммунистических рабочих в объятия Сталина. Необходимой предпосылкой должна являться серьезная искренняя воля к единству. Только так может быть осуществлена та задача, которую ставит перед международным рабочим движением исторический момент — преодоление сталинского вырождения путем единства.

(«Кампф»).

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАБАСТОВКА ПОЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН.

В воскресенье 15 августа Объединенная Народная Партия устроила в 200 с лишним селах и деревнях Польши политические манифестации крестьянства, на которых было решено провести с 16 по 25 августа 10-дневную крестьянскую забастовку под лозунгом борьбы за восстановление политической свободы.

В течение дней забастовки крестьяне решили воздерживаться от покупки товаров и продажи сельскохозяйственных продуктов и не покидать своих деревень, ограничиваясь лишь самыми необходимыми работами на своих земельных участках.

В своей прокламации о забастовке крестьянство обращается ко всему населению и, особенно, к рабочим с просьбой о поддержке, причем указывает, что забастовка его не направлена ни против какого другого социального слоя и никоим образом не имеет в виду лишить продовольствия города, а задумана исключительно, как демонстрация за ликвидацию существующей правительственной системы и за восстановление всей полноты политических прав для всех граждан.

«Во всех своих политических манифестациях, имевших место до сих пор», говорит прокламация, «мы требовали возвращения гражданских прав бывшим брестским заключенным, с Витессом (глава крестьянской партии) во главе, изменения конституции и нынешнего порядка выборов в парламент и органы самоуправления, восстановления демократической государственности, ликвидации диктаторско-бюрократического режима, назначения правительства, пользующегося доверием широких народных масс, изменения внешней политики, поднятия доходности сельского хозяйства, справедливого распределения общественного достояния и права на работу и хлеб. Эти пожелания и требования сельского хозяйства, сообщенные президенту республики и врученные в свое время в Новоселице генералу Рыдзь-Смиглом, до сих пор игнорируются и остаются без ответа. Вместо ответа на свои требования крестьянство получает штрафы и аресты, нужда-же и нищета его остаются неизменными. В полном сознании своей ответственности за настоящее и будущее польского государства, крестьянство решило добиваться исполнения своих справедливых требований демонстративной крестьянской забастовкой». Прокламация заканчивает: «Мы клянемся, что этот акт крестьянства будет первым шагом в борьбе за отвоевание всей полноты политических прав для крестьян, этих подлинных хозяев Польши».

Во многих местностях, где состоялись крестьянские манифестации, власти запретили публичное прочтение прокламации о забастовке.

По сообщениям, поступившим ко времени верстки номера, движение приняло очень широкий размах и вызвало столкновения с полицией. Раненые и убитые насчитываются десятками. В Лодзи социалистические партии объявили 22 августа однодневную рабочую забастовку солидарности.

СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ БРИТАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА.

Лидер парламентской фракции лейбор-партии, тов. Эттли, только что выпустил книгу, посвященную истории, программе и задачам Рабочей Партии в Англии («The Labour Party in Perspective»).

Рабочая Партия, по словам Эттли, является не представительницей классового эгоизма, а защитницей определенной суммы моральных принципов, в основе своей религиозных и идеалистических. Марксизм образует в партии только одно из многих идеологических течений, а отнюдь не является господствующим мировоззрением. Особое отношение английской Рабочей Партии к демократии, ее глубокая и органическая связь с идеями демократии исторически дана тем, что самое зарождение Рабочей Партии в Англии произошло в эпоху парламентской демократии. С первого же момента своей деятельности лейбор-партия пользовалась демократией, ее свободами и учреждениями, и потому всегда останется на ее почве, хотя конечной целью ее является не демократия сама по себе, а социализм.

Этим определяется, по словам Эттли, и отношение лейбор-партии к очередным тактическим проблемам рабочего движения, в том числе и к проблеме Народного Фронта и «Единого Фронта». Сочетание сил для совместного действия, с одной стороны, с либеральной буржуазией (тактики Народного Фронта), с другой — с анти-демократическими и революционно-настроенной частью рабочего класса (единый фронт с коммунистами), могла бы быть оправдана для Рабочей Партии только непосредственной и реальной опасностью фашизма. Но такой опасности, по мнению Эттли, в Англии не существует. Если теоретически и нельзя считать исключенным нарастание фашизма в Англии, то практически дело обстоит так, что огромное большинство британского народа остается верным принципам демократической государственности. Нет, поэтому, никаких оснований вступать в блок с либералами, которые не верят в социализм и которые к тому же еще так слабы, что сотрудничество с ними реально ничего не может дать Рабочей Партии. Не сильнее либералов и коммунисты, ибо британский народ не приемлет коммунизма, как не приемлет он и фашизма. Но коммунисты не только слабы и ничтожны, они неприемлемы в качестве союзника для лейбор-партии еще и потому, что они отрицают принципы большин-

ства и потому принципиально стоят на иной почве, чем лейбор-партия в целом, которая стремится к социализму не путем насилия над волей большинства, а путем постоянного расширения в хозяйстве страны «социалистического сектора», вводимого демократическим путем.

В области внешней политики Эттли отбрасывает догматический пацифизм, который отказывает государству в военных кредитах и отрицает военную службу, но, с другой стороны, столь же резко выступает и против недопустимой пассивности и терпимости нынешнего консервативного правительства по отношению к воинствующим правительствам фашистских стран. Внешняя политика Англии должна стремиться к тому, чтобы укрепить Лигу Наций, ибо мир нельзя спасти ни политикой изоляции, ни военными союзами старого образца.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ В ГЕРМАНСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ.

От имени группы друзей бывший с.-д. депутат германского рейхстага и редактор Центрального Органа германской социал-демократии, Фридрих Штампфер, опубликовал потрясающий меморандум, напоминающий об ужасной судьбе заживо погребенных в германских концлагерях, — тех несчастных, которых имел в виду начальник германской полиции Гиммлер, сказавший, что для врагов государства двери концлагерей никогда не откроются. Таким образом эти люди осуждены — без всякого суда — на пожизненное заключение, т. е., в большинстве случаев, на более или менее медленное умерщвление.

Чтобы обратить внимание на эту сторону германского террора, Штампфер излагает судьбу шести известных деятелей германского рабочего движения, «отнюдь не имея в виду сказать этим, что участь других менее трагична». Эти шесть случаев — лишь шесть примеров, к тому же примеров, далеко не полностью исчерпывающих тему, так как получение сведений о том, что делается в концлагерях, крайне затруднено.

Эти примеры — один ужаснее другого. Вот — Эрнст Гейльманн, вождь с.-д. фракции прусского ландтага и депутат рейхстага, известный своей патриотической позицией во время мировой войны: неслыханными истязаниями национал-социалисты превратили его в человеческую развалину с перебитыми конечностями и растоптанным человеческим достоинством. Вот — коммунистический адвокат Ганс Литтен, расплачивавшийся за свое «преступление», состоявшее в том, что когда-то, в порядке исполнения своей профессии, он подверг Гитлера перекрестному допросу перед судом. Вот — молодой с.-д. депутат Карл Мирендорф и его коллега Курт Шумахер, потерявший на войне руку инвалид, осмелившийся когда-то произнести в рейхстаге речь против Гэббельса: каждый национал-социалистический сановник гноит в концлагерях такие жертвы своей личной мести...

Да послужит-же этим несчастным жертвам нечеловеческих истязаний и мучений хоть некоторым утешением, что их все же не совсем забывают! Надо поблагодарить Штампфера за то, что он напомнил миру об этой его обязанности.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 8 (96).

Русские Записки. Общественно-политический и литературный журнал. Кн. 1. Париж, 1937.

Оборонческое Движение, № 4. Июль 1937 г.

La Révolution prolétarienne, N° 252.

Deutschland-Berichte der Soziald. Partei Deutschlands (So-pade). Nr. 7, Juli 1937.

B. Souvarine. Cauchemar en U.R.S.S. Extrait de «La Revue de Paris». Prix 2 fr.

Russie 1937 (bulletin d'information). N° 2, 15 aout 1937. Editions «Courage».

Arbeiter-Zeitung, N° 16, 17.